

Косинец Инна Ивановна

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОХОРОННОГО ОБРЯДА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ СМЕХОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ АНЕКДОТОВ)

В статье предпринята попытка выявить типологические особенности лексической репрезентации похоронного обряда в русской и английской смеховой картине мира, которые рассматриваются посредством анализа фрейма "похороны" на материале русских и английских анекдотов. Особое внимание уделяется аксиологическому аспекту, подразумевающему выделение основных типов антинормы проведения похоронного обряда, подвергаемых осмеянию в русской и английской лингвокультурах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 3 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 114-119. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81'44

Филологические науки

В статье предпринята попытка выявить типологические особенности лексической репрезентации похоронного обряда в русской и английской смеховой картине мира, которые рассматриваются посредством анализа фрейма «похороны» на материале русских и английских анекдотов. Особое внимание уделяется аксиологическому аспекту, подразумевающему выделение основных типов антинормы проведения похоронного обряда, подвергаемых осмеянию в русской и английской лингвокультурах.

Ключевые слова и фразы: похоронный обряд; смеховая картина мира; лингвокультура; фрейм; аксиологический подход; антинорма.

Косинец Инна Ивановна, к. филол. н., доцент

Пятигорский государственный лингвистический университет

innca@hotmail.ru

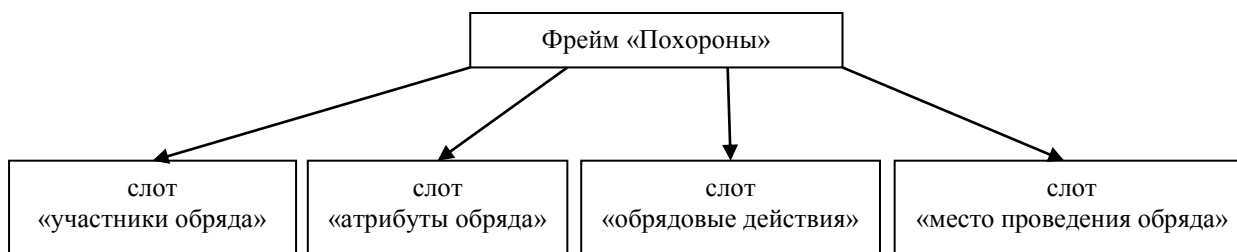
АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОХОРОННОГО ОБРЯДА В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ СМЕХОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ АНЕКДОТОВ)®

Похоронный обряд играет важную роль в социуме и наряду с другими ритуалами (свадьба, рождение и т.п.) находит реализацию в языковом сознании людей, являясь неотъемлемой частью национальной картины мира. Славянский и англосаксонский похоронно-поминальные обряды были представлены в работах многих фольклористов и этнографов, например, у Т. А. Агапкиной [1], А. К. Байбурина [2], Н. Н. Велецкой [3], В. Я. Проппа [9], О. А. Седаковой [10], *S. Lucy* [17], *G. R. Owen-Crocker* [18] и др.

Среди лингвистических исследований, посвященных похоронно-погребальному обряду, следует указать диссертационные работы Е. Г. Ковальчук [5] в рамках лексико-семантического поля «смерть», А. Б. Коконовой [6] на материале архангельских говоров, Н. А. Колковой [7] на материале русской фразеологии, статью С. С. Липенко [8] о фрейме «похороны» в немецкой лингвокультуре. Цель нашей статьи – выявить типологические особенности похоронного обряда в русской и английской лингвокультурах на основе фреймового анализа, а также используя аксиологический подход, исследовать основные типы отклонения от нормы проведения похоронного обряда, подвергаемые осмеянию в русских и английских анекдотах. Предметом исследования стали 177 русских и 180 английских черных анекдота, в содержании которых присутствуют элементы похоронно-погребального обряда.

Под смеховой картиной мира вслед за Г. Г. Слышкиным мы понимаем «систему концептуализации и оценочного (в основном негативного) осмысления действительности, реализованную в совокупности комических жанров, основным среди которых для современной культуры является анекдот» [11]. Смеховая картина мира, по мнению Г. Г. Слышкина, включает базовые лингвокультурные концепты, так как именно культурно значимые аспекты человеческой жизни подвергаются осмеянию. Поскольку смерть относится к разряду универсальных концептов, «центральных составляющих человеческой концептуальной системы» [4, с. 73], то и ритуал смерти можно считать одним из наиболее важных элементов русской и английской концептосферы.

Если рассматривать концепт «похороны» в виде фрейма, т.е. иерархически организованной структуры с основным значением *обряд погребения умершего*, то графически можно представить его следующим образом:

Рассмотрим более подробно лексическую реализацию фрейма «похороны» на материале русских и английских анекдотов:

1) участники обряда.

В данную группу входят:

а) объект похоронного обряда.

Как в русском, так и в английском языке используется несколько единиц, номинирующих умершего: *покойник, покойный, покойная, покойница, труп, тело, усопший; the deceased (покойный), (dead) body (труп), corpse (труп), the late (husband) (покойный муж);*

b) субъекты похоронного обряда.

Здесь следует указать небольшие различия – во-первых, превалирование религиозного похоронного обряда в английской лингвокультуре, о чем свидетельствует наличие в анекдотах таких лексических единиц (ЛЕ), как *priest, vicar, minister*. В русских анекдотах нами зафиксирован только один подобный пример – *батюшка* – в единственном словоупотреблении, т.е. русская смеховая картина мира в большей степени отражает закрепленный в национальном сознании светский обряд похорон. Во-вторых, необходимо отметить наличие лакун в русском языке, обозначающих родственников и друзей покойного, присутствующих на похоронах, которые в английском языке вербализируются с помощью ЛЕ *mourners, pallbearers*. Остальные участники процесса при значительном совпадении представлены несколько шире в русской лингвокультуре, чем в английской: *вдова, гробовщик, могильщик, агент похоронного бюро, директор кладбища, кладбищенский сторож, граверных дел мастер; widow (вдова), undertaker (сотрудник похоронного бюро), gravedigger (могильщик), (cemetery) caretaker (сторож кладбища), funeral director (сотрудник бюро ритуальных услуг);*

2) атрибуты обряда можно разделить на:

a) атрибуты, используемые во время похорон.

Наиболее рекуррентными совпадающими ЛЕ в данной группе являются *гроб, крышка (гроба), ящик, траурная / похоронная процессия, катафалк, букет, некролог, черный костюм; coffin (гроб), box (ящик), lid (of the coffin) (крышка гроба), funeral procession (похоронная / траурная процессия), black / blue suit (черный / синий костюм), hearse (катафалк), bouquets of flowers (букеты цветов), obituary (некролог).*

Специфичными для русских анекдотов являются такие реалии похоронного обряда, как *(траурный) венок, (духовой) оркестр*, а для английских – *sermon (проповедь), eulogy (панегирик)*, что является отражением культурных традиций проведения похорон;

b) постобрядовые атрибуты.

Здесь представлены общие для обеих лингвокультур понятия – *могильная (надгробная) плита, памятник, гравировка, урна, прах; headstone (надгробие), tombstone (могильная плита), inscription (гравировка), urn (урна), ashes (прах);*

3) обрядовые действия.

В данной группе можно выделить:

a) обрядовые действия с покойником.

В русском юмористическом дискурсе обрядовые действия с покойником включают большее количество ЛЕ, чем в английском: *хоронить, закапывать, рыть (могилу), лежать в гробу, выносить на руках, заколачивать (гроб), оббить бархатом, отпеть, кремировать, сжигать, поминки и др.; to bury (хоронить), to lower into the ground (опускать в могилу), to dig (копать), to cremate (кремировать), to burn (сжигать), last rites (соборование перед смертью);*

b) эмоции и формулы речевого этикета.

Авторы книги «Death and Bereavement Across Cultures» ссылаются на исследование антропологов, проведенное среди представителей 76 различных социумов, которые обнаружили, что плач, страх и гнев являются универсальными эмоциями, выражаемыми повсеместно во время похорон [15, p. 5]. И в этом смысле современная западная культура, в которой нормой считается сдержанное поведение во время похорон, по мнению авторов, существенно отличается от других культур. Данные выводы отражены и в смеховой картине мира. Так, например, если в русских анекдотах для выражения эмоций употребляются несколько глаголов с разной степенью эмоционального проявления *плакать, причитать, убиваться, скорбеть, рыдать*, то в английском лишь *to sob (рыдать), to cry (плакать)*.

Этикетные формулы в обоих языках представлены следующими вербализаторами: *почтить память мнунтой молчания, соболезновать, найти покой (отдых), покоиться в мире, да будет земля пухом; to pay respects (отдать дань уважения, проститься), to offer condolences (выражать соболезнования), deepest sympathy (глубокие соболезнования), rest in peace (покоиться в мире);*

4) место проведения обрядовых действий.

Место проведения похоронного обряда зависит от способа погребения. В Британии, по словам *H. T. Blanche и С. М. Parkes* [Ibidem, p. 146, 186], погребение все чаще заменяется кремацией, и обряд похорон все больше превращается в безличный, рутинный и механизированный ритуал. В русской православной культуре кремация не приветствуется, тем не менее, в анекдотах этот способ погребения также находит свое отражение. Таким образом, данная группа актуализируется следующими ЛЕ: *кладбище, погост, могила, крематорий, колумбарий, похоронное бюро, похоронная контора; cemetery (кладбище), burial ground (кладбище), grave (могила), graveyard (кладбище), churchyard (церковное кладбище, погост), church (церковь), crematorium (крематорий), funeral parlour (бюро похоронных услуг), funeral home (похоронное бюро).*

Структура и вербализация фрейма «похороны» на материале русских и английских анекдотов отражает реальный похоронно-погребальный обряд в указанных лингвокультурах, однако не дает представления о специфических особенностях юмористического восприятия исследуемого обряда. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо прибегнуть к аксиологической трактовке, при этом следует указать, что нас в данном случае интересуют не столько ценности, сколько нормы и правила, которые, по определению И. А. Стернина, представляют собой «поведенческие рекомендации по реализации определенных принципов, ... предписания по поведению, указания по проведению некоторых ритуалов» [12].

По мнению И. В. Тубаловой и Ю. А. Эмер [13, с. 286], для анекдота как жанра современного фольклора типична троичная структура нормативного основания ценностной модели мира – «норма / стереотип / антинорма»,

при этом стереотип вовсе не должен соответствовать действительности. Аксиосфера анекдотов, содержащих элементы похоронного обряда, концентрируется в основном на ценностях человеческих взаимоотношений в обществе, внутри семьи, между друзьями, между живыми и мертвыми. По мнению G. Scarre [19, p. 135], похоронный обряд является одним из основных способов выражения любви и уважения по отношению к умершему человеку, однако в анекдотах, как правило, происходит ценностная трансформация, в результате которой данный обряд приобретает совершенно противоположное значение.

Чаще всего стереотип, присутствующий в анекдоте, соответствует антинорме, например, стереотипное отношение зятя к теще как в русских, так и в английских анекдотах характеризуется ненавистью и агрессией, которые на похоронах тещи трансформируются в радость, например:

Ему хотелось прыгать от радости, но на его плечах лежал тяжелый гроб с тещей.

Поведение зятя, отличающееся от стереотипа, от антинормы, как правило, не находит понимания со стороны других участников похоронного обряда, для которых подобное «необычное» поведение зятя является нарушением ритуала:

На поминках тещи зять все время шепчет: «Да будет земля тебе пухом, да будет земля тебе пухом, да будет земля тебе пухом!»

Друг интересуется:

- *Что ты так убиваешься – ты же ее ненавидел?*
- *Если бы ты знал, какая у нее была аллергия на пух!*

В соответствии с приведенными выше слотами фрейма «похороны» мы рассмотрим основные виды нарушения нормы, подвергаемые осмеянию в русских и английских анекдотах.

Антинорма, связанная с объектом похоронного обряда, означает, что похороны фактически превращаются в убийство, так как объектом становится не умерший, а живой человек.

– *Ой, а у нас тут такое было. Мужика притащили хоронить на кладбище, а он раз, садится в гробу: дескать, оп-па! А я живой! Что тут началось. Все радуются, смеются, хлопушки взрывают, кто-то шарик веселые притащил, жена от радости плачет... В общем, еле закопали.*

My gran died last week. The funeral director said, «Bury her with something she liked.» As the coffin lowered into the ground, all we could hear was granddad shouting for help. / Моя бабушка умерла на прошлой неделе. Сотрудник похоронного бюро сказал: «Похороните ее с тем, что она любила больше всего». Когда гроб опускали в могилу, мы слышали, как дедушка звал на помощь. (Здесь и далее перевод автора – И. К.).

В русском анекдоте наблюдается резкий и неожиданный переход от нормы – радости по поводу того, что умерший оказывается живым, к антинорме – выполнению ранее организованного обрядового действия. В английской шутке формальное следование традиции приводит к нарушению нормы.

Можно выделить два типа антинормы, затрагивающей субъектов обряда. Во-первых, это профессиональная деформация людей, чья работа связана с организацией похорон, например:

Мужик приходит к гробовщику заказывать гроб для своей умершей тещи:

- *Мне нужен гроб.*

Гробовщик:

- *Какой рост?*
- *1 метр 70 см.*
- *Это будет стоить 150 рублей.*
- *На тебе 200.*

Гробовщик бегал, бегал, искал сдачу и не нашёл, ну и говорит:

- *Мужик, у меня сдачи с 200 рублей нет. Возьми ещё на 50 рублей детский гробик...*

It's nice to see undertakers with a sense of humour. Went to a child's funeral yesterday. The hearse had a «Baby On Board» sticker in the back window. / Здорово, когда у агентов похоронного бюро есть чувство юмора. Вчера я был на похоронах ребенка, и на катафалке увидел наклейку на стекле «Ребенок в машине».

В русском примере человек, работающий в сфере ритуальных услуг, не принимая во внимание специфику своей профессии, относится к похоронным атрибутам как к обычным товарам. В английском варианте профессиональная деформация делает человека настолько циничным, что он намеренно нарушает общечеловеческие нормы, при этом получая одобрение со стороны.

Во-вторых, речь идет об искаженном, отличном от нормы поведении участников похорон по отношению к покойному, например:

Идут похороны. По улице шагает траурная процессия, играет печальная музыка, покойник в гробу лежит, все плачут... В общем, все как полагается. Вдруг, откуда ни возьмись, подлетает к гробу с покойником какой-то нарик:

- *Мужик, а мужик, что ты тут разлежся?*

В ответ тишина.

- *Ну мужик, объясни хоть, что здесь происходит?*

На нарика цыкают родственники умершего:

- *Молодой человек, как вам не стыдно. Это же покойник!*
- *Па-а-а-а-а-а-а-а-а, покойник... Что ему, из-за этого и поговорить в лом?*

My wife was upset yesterday because I asked a few of my mates to bring a load of beers to the barbecue. Or her mum's cremation, as she put it. / Моя жена расстроилась вчера, когда я попросил своих друзей принести побольше пива на барбекю. Или, как она говорит, на кремацию ее мамы.

Русский анекдот дает не только описание «правильного» похоронного обряда, но и эксплицирует норму, вербализованную словами «*все как полагается*», а ее нарушение оценивается крайне негативно участниками похорон. Английский анекдот – типичный пример стереотипного отношения зятя к смерти тещи, который и не старается скрыть своего пренебрежения к умершей. Негативная оценка вербализируется словосочетанием «*was upset*», описывающим с характерной для англичан сдержанностью состояние дочери покойной.

Следующий тип антинормы связан с использованием неуместных атрибутов во время проведения похоронного обряда.

Идет панихида. В зал вбегают взмоклиший человек, подходит к гробу и что-то сует в ноги покойнику.

– *Что это ты? – спрашивает знакомый, когда тот встал рядом.*

– *Весь город обжег. Нигде цветов нету. Так я ему шоколадку...*

My friend recently died; he drowned. So, at his funeral, instead of a wreath, we put a life belt on the coffin. ...Well, it's what he'd have wanted. / Мой друг недавно утонул. Поэтому на его похоронах вместо венка, мы положили на гроб спасательный круг... Это то, что ему было нужно.

И в русском, и в английском анекдоте присутствие не соответствующих ситуации предметов является нарушением нормы и требует пояснения со стороны участников обряда.

С точки зрения обрядовых действий, антинорма выражается в совмещении элементов похоронного и какого-либо другого обряда, например:

Многоэтажный дом. В одной из квартир – свадьба в самом разгаре. Все как положено – тосты, «горько!», шампанское и водка рекой, гости оттягиваются вовсю... Вдруг открывается дверь, и появляются четыре мрачных мужика в черном, а на руках они несут гроб. Все тут же замолкают, а эти четверо спокойно так входят, обходят кругом стол и направляются к выходу. Гости с хозяевами в полном отпаде, и только один, сидящий с краю, давась непроглотенным, с криком, спрашивает:

– *А-а-а что это Вы?!!*

– *Да вот не смогли на лестнице развернуться – пришлось к Вам заглянуть.*

My sister and her husband were not happy as I showered them in confetti as they left the church. Apparently it's not the done thing at a child's funeral. / Моя сестра с мужем были не в восторге, когда я осыпал их конфетти на выходе из церкви. Видимо, не надо было делать это на похоронах ребенка.

В обоих приведенных примерах происходит смешение свадебного и похоронного обрядов. В русском анекдоте оценка данному смешению выражена посредством описания шока гостей – *в полном отпаде, давась непроглотенным, с криком*, в английском анекдоте дается более мягкая оценка произошедшему «*were not happy*».

В рамках обрядовых действий следует также обозначить антинорму употребления нерелевантных формул речевого этикета, что подразумевает перенос в похоронный обряд этикетных формул из другой сферы, при этом антинорма обусловлена нарушением принципа кооперации Г. П. Грайса, один из постулатов которого гласит «*Be relevant*» («Не отклоняйся от темы») [16, р. 8]. Как правило, речь идет о поздравлениях, звучащих неуместно на похоронах:

Идет похоронная процессия. Навстречу ей пьяный мужик. Он замечает идущего впереди, приходит в восторг и подходит к нему.

– *Сер-р-рега! Однокласснич-ч-чек, скока лет, скока зим!*

– *Слушай, извини, у меня горе – жена умерла...*

– *Так ты женился?! Поздравляю!!!*

On opening his new store, a man received a bouquet of flowers. He became dismayed on reading the enclosed card, that it expressed «Deepest Sympathy». While puzzling over the message, his telephone rang. It was the florist, apologising for having sent the wrong card.

«*Oh, it's alright,*» said the storekeeper. «*I'm a businessman and I understand how these things can happen.*»

«*But,*» added the florist, «*I accidentally sent your card to a funeral party.*»

«*Well, what did it say?*» ask the storekeeper.

«*Congratulations on your new location,*» was the reply. / На открытие нового магазина владелец получил букет цветов. Он ужаснулся, прочитав вложенную в букет карточку, на которой было написано: «Примите глубокие соболезнования». Пока он размышлял над тем, что это могло означать, зазвонил телефон. Звонил продавец цветочного магазина, чтобы извиниться за то, что перепутал карточки. «Ничего страшного, – сказал владелец магазина, – я бизнесмен, и понимаю, что всякое может произойти». «Но, – сказал продавец, – я случайно отправил вашу карточку на поминки». «И что же в ней было написано?» – спросил владелец магазина. «Поздравляю с новым местом жительства», – ответил продавец.

Еще одна антинорма, относящаяся к этикету проведения похорон, основана на искаженном понимании постулата «о мертвых или хорошо или ничего». Как указывает G. Scarre [19, р. 138], данная традиция обусловлена соблюдением правила справедливости, так как все имеют право на защиту, даже преступникам в суде предоставляется возможность высказаться в свое оправдание, и поскольку мертвые не могут воспользоваться таким правом, то общество не должно выдвигать против них обвинения. Однако в анекдотах соблюдение указанной традиции высмеивается, так как объект похоронного обряда обычно заслуживает негативной оценки:

О мертвых либо ничего, либо хорошо. Он умер... и это хорошо!!!

It was a funeral and the vicar said «Has anyone got any kind words for him?»

It was greeted by silence.

«Any friends?» «Any work mates?»

Still silence.

The vicar then said «Can anyone say anything nice about this man?»

A voice from the back said «Yeah, his brother was a bigger cunt». / На похоронах викарий спросил: «Кто хочет сказать несколько добрых слов о покойном?» В ответ – тишина. «Может быть, друзья или коллеги?» Опять тишина. Тогда викарий снова спросил: «Неужели никто не может сказать ничего хорошего о покойном?» Наконец, кто-то в последнем ряду произнес: «Его брат был еще большим негодяем, чем он».

Антинорма, затрагивающая эмоциональное восприятие похоронного обряда со стороны его участников, отражает стереотипные, соответствующие антинорме отношения между мужем и женой, тещей и зятем, родителями и детьми, трансформирующие похоронный обряд в радостное событие. Однако хотелось бы отметить гендерный аспект в параллельных русских и английских анекдотах. Если в английских анекдотах отношение неприятия исходит от мужа к жене, то в русских, наоборот, от жены к мужу, например:

Сегодня самый счастливый день в моей жизни. Ровно 50 лет назад я вышла замуж. У подъезда машина. Она везёт меня в церковь. Муж ждёт у алтаря. Подхожу к нему. Улыбаюсь. Целую его... Закрываю крышку.

It was the happiest day of my life. Wife waiting at the altar, flowers blooming everywhere and a great turn out. I swept a tear away from my eye, kissed my wife on the cheek and closed the lid. / Это был самый счастливый день в моей жизни. Жена ждет меня у алтаря, всюду цветы и много гостей. Я смахнул слезинку с глаз, поцеловал жену в щеку и закрыл крышку.

Похороны супруга (супруги), воспринимаемые вопреки норме как радостное событие, и в том, и в другом анекдоте оцениваются одинаково: «сегодня самый счастливый день в моей жизни», «it was the happiest day of my life». В абсолютно аналогичных ситуациях выразителями антинормы становятся мужчина в английском анекдоте и женщина – в русском. Данный факт можно объяснить тем, что современный мир семьи в русских анекдотах, как замечает Е. Я. Шмелева [14, с. 200], – это мир женщины. Став главой семьи, женщина в русских анекдотах приобрела и мужские отрицательные свойства – цинизм и жестокость.

Однако следует указать, что данный тип антинормы не реализуется в русских анекдотах по отношению к детям, которые, видимо, представляют большую ценность в русской аксиосфере, тогда как в английских шутках нам встретились подобные примеры:

I'm excited, as tomorrow is my son's big day. The church is booked, flowers in place, buffet paid for and I've put 2 grand behind the bar. His Mum's sad about seeing her little boy move on. But we've paid for the day so I'm going to enjoy his funeral. / Я взволнован, так как завтра у моего сына знаменательный день. Заказана церковная служба, все украшено цветами, оплачен фуршет, и за все это я выложил две штуки. Его мать с печалью смотрит на то, как ее малыш переходит в лучший мир. Но мы все оплатили, и я собираюсь хорошо провести время на его похоронах.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что похоронный обряд в русских анекдотах представлен более полно, о чем свидетельствует количество вербализирующих его лексических единиц (77) по сравнению с 65 ЛЕ в английских анекдотах. Фреймовый анализ выявил небольшие различия, обусловленные культурными реалиями русского и английского похоронно-погребального обряда. Аксиологический подход позволил выделить основные типы антинормы проведения исследуемого обряда, подвергаемые осмеянию в рамках русской и английской смеховой картины мира.

Список литературы

1. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
2. Байбурун А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.
3. Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978. 320 с.
4. Исина Г. И. О вербальных средствах концептуализации ценностных ориентиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 1. С. 73-75.
5. Ковальчук Е. Г. Лексико-семантическое поле «умереть» в русском языке и в разговорной речи: дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 167 с.
6. Кокконова А. Б. Рождение и смерть в пространстве диалекта: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 314 с.
7. Колкова Н. А. Русские обрядовые концепты во фразеологическом представлении: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 25 с.
8. Липенко С. С. Фрейм «Похороны» в немецкой лингвокультуре [Электронный ресурс] // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей. Волгоград, 2007. URL: <ftp://lib.sumdu.edu.ua/ebooks/Books/aksssil.doc> (дата обращения: 16.11.2013).
9. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования. СПб.: Терра-Азбука, 1995. 176 с.
10. Седакова О. А. Поэтика обряда. Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.
11. Слышкин Г. Г. «Страшное» как системообразующий концепт смеховой картины мира [Электронный ресурс] // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей. Волгоград, 2007. URL: <ftp://lib.sumdu.edu.ua/ebooks/Books/aksssil.doc> (дата обращения: 16.11.2013).

12. **Стернин И. А.** Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1996/Part2-2.htm> (дата обращения: 25.10.2013).
13. **Тубалова И. В., Эмер Ю. А.** Ценностная картина мира традиционного и современного фольклора // Картины русского мира: аксиология в языке и тексте: колл. монография / отв. ред. З. И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. С. 259-298.
14. **Шмелева Е. Я.** Семейный миропорядок сквозь призму русского анекдота // Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 191-200.
15. **Death and Bereavement Across Cultures** / ed. by C. M. Parkes, P. Laungani, B. Young. London – N. Y., 1997. 261 p.
16. **Leech G. N.** Principles of Pragmatics. London – N. Y.: Longman, 1983. 250 p.
17. **Lucy S.** The Anglo-Saxon Way of Death: Burial Rites in Early England. Stroud – Gloucestershire: Sutton Publishing, 2000. 210 p.
18. **Owen-Crocker G. R.** The Four Funerals of Beowulf and the Structure of the Poem. Manchester: Manchester University Press, 2000. 272 p.
19. **Scarre G.** Death. Stocksfield: Acumen Publishing Limited, 2007. 175 p.

AXIOLOGICAL ASPECT OF FUNERAL RITE IN RUSSIAN AND ENGLISH LAUGHTER WORLD PICTURE (BY MATERIAL OF RUSSIAN AND ENGLISH ANECDOTES)

Kosinets Inna Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Pyatigorsk State Linguistic University
innca@hotmail.ru

The attempt of revealing the typological peculiarities of funeral rite lexical representation in the Russian and English laughter world-view, which are considered with the help of “funeral” frame analysis by the material of the Russian and English anecdotes, is undertaken in the article. Special attention is paid to the axiological aspect implying the separation of funeral rite conduction anti-norm main types subjected to derision in the Russian and English linguo-cultures.

Key words and phrases: funeral rite; laughter world picture; linguo-culture; frame; axiological approach; anti-norm.

УДК 81'25

Филологические науки

В настоящей статье рассматривается вопрос изучения и описания особенностей творческой индивидуальности переводчика в европейской лингвистической традиции. Предлагается методика отбора материала для анализа словообразования сложных существительных в рамках изучения индивидуального стиля переводчика на материале корпуса текстов переводов художественных произведений с русского языка на английский. Освещается потенциал включения исследования корпуса переводов в процесс изучения языковой личности переводчика.

Ключевые слова и фразы: художественный перевод; корпусная методология; корпусное переводоведение; индивидуальный стиль переводчика; словообразование; языковая личность переводчика.

Краснопеева Екатерина Сергеевна

Челябинский государственный университет
ye.kr121csu@gmail.com

ВЫБОР СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ КАК ИНДИКАТОР ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ПЕРЕВОДЧИКА: МЕТОДИКА ОТБОРА МАТЕРИАЛА[©]

Автор выражает благодарность г-ну Х. де Смету за предоставление доступа к корпусу «The Corpus of Late Modern English Texts», использованному в настоящем исследовании.

Дескриптивное корпусное переводоведение (ДКП) – сравнительно новое и активно разрабатываемое на сегодняшний день направление в современном европейском языкознании. В основании ДКП лежит синтез положений дескриптивизма и взглядов британской школы контекстуализма: в качестве объекта исследования предстают реально существующие в принимающей культуре переводные тексты и обнаруживаемые в них повторяющиеся языковые последовательности [3; 8, р. 48]. Благодаря развитию ДКП происходит постепенный «корпусный переворот» в переводоведении: ключевыми трендами настоящего направления можно назвать поиск и изучение универсалий перевода, а также исследование индивидуального стиля переводчика (ИСП). Последний связывается с применением корпусной методологии для обнаружения в текстах переводов стилистически релевантных повторяющихся последовательностей, при этом стиль понимается как индивидуальный «след» переводчика (англ. *thumbprint*) – «сумма экстралингвистических и лингвистических особенностей его перевода, последние из которых состоят в характерном использовании языковых средств или являют собой ряд индивидуальных предпочтений, отличных от предпочтений других переводчиков». Именно эти предпочтения «выдают» автора во всех его произведениях [4, р. 245; 9, р. 147] (см. анализ